

Про Ивана Горденовича

А во стольнѣм во городе во Кieve,
А у ласкова князя да у Владимира
Заводилосе пирóваньє-столóваньє,
Заводилсе как тут да нынь почесен пир
А про тех-то людей-купцей торговых же,
А про тех-то кресьянушок прожиточных, <...>
И про тех же полени́ц да преудалых же.
А еще все же на пиру да напивалисе,
Еще все же на чесном да наедалисе,
Еще все же на пиру как стали пьяны-вѣселы,
А еще все же на пиру да приросхвастались:
А богатой-от как хвастат золотой казной,
А наездник-от хвастает добры́м конѣм,
А как сильней-от хвастат своей силою,
А неразумной-от хвастат молодой сестрой,
А неумной-от хвастат молодой женой.
Как Владимир как ведь стольный да только киевский,
А он ведь по гринюшке как нынече похаживат,
А собольнею шубочкой розмахиват,
А злочены́ма-то перстнями да принабрякиват,
А как медныма подковками пощалкиват,
А увидел за столом тут един мóлодец,
А по имени Иван да сын Горденович.
«А уж ты го́й еси, Иван да сын Горденович,
А уж ты что же ты не пьѣшь, не ешь, не кушаешь,
Еще белой-то лебедушки не рушаешь?
Обнесли ли тебя чарой с зеленым вином,
А залишили ле тя братыней да пивым пьяным?» —
«Не залишили меня чарой да зеленым вином,
Не обнесли меня братыней да пивым пьяным же!
Уж ты ой еси, Владимир стольне-киевской,
Ты позволь-ко мне, позволь-ко как словó сказать,
А ты словó-то мне сказать так скоро молвити,
А ты не быть-ко меня за́ слово скоро казнить,
Ты скорó-то ведь казнить дак скоро вешати!» —

«Говори-ко, говори, Иван Горденович,
Говори-ко еще, что же да тебе надобно». —
«А у тя все же как во городе споженены, <...>
А красны девушки у тя да взамуж выданы,
Я один-то тут как молодець холóст хожу,
Я холóст-то ведь хожу да неженат слыву». —
«А я ведь тоже, Иван Горденович, холóст хожу,
Я холóст-то ведь хожу да и тоже неженат слыву...
(От Игната слышал ведь это!)

...Неженат слыву,
А есть у меня во городе една девушка,
А по имени Овдотья да лебедь белая:
А из костки-то в костку да мозг переливайтце,
А из лица-то тут в лицо да руменец забегайтце, —
Еще вот тебе будёт боґосужена!»
А на это тут ведь слово Иван ответ держит:
«А еще та же мне, Владимир стольне-киевский,
Еще та тут мне как нынь да ведь не надобно!
Я поеду к королю да Вахрамееву,
Я поеду за Федосьей да лебедь белою!»
А за столом-то тут сидят дак как пристольники,
А на ето Ивану слово-то ответ держат:
«А не жена тебе там ведь будёт — змея лютая,
Змея лютая как будёт там да едучая!»
А Ивану ето слово да не пондравилось,
А вставал-то тут Иван да из-за тоґо стола,
Из-за того-то тут стола да из-за переднего,
Из-за переднего стола да из-за стеклянного —
А питенья-ти еденья да присплёска́лисе,
А пошёл-то тут Иван да как из гридни вон,
И отпирал-то ведь он двери да с петы на пяту,
А как новы-ти хоромы да пошаталисе,
А ещё стары-ти хоромы да россыпалисе,
Выходил-то тут Иван да на конюшин двор,
А выбирал-то тут себе да кóня доброго,
А подстегивал двенадцеть он подпружечек,
А тринадцету подпругу через конину чепь
(Ишь вот!)
...Через конину чепь —

А не для ради красы да ради крепости.
«Чтоб в чистом-то меня поли да не оставил конь!»
А не видели у молодца поездочки,
Только видели: Иван да на коня скочил,
Ещё видели: в чистом поли курёва стоит,
Курёва-то тут стоит да дым столбом валит.
А еще ископыти лёжат дак люты печени,
А еще пламя-то конь мечёт да разноогненно...
Разноогненно.
А приезжает тут Иван да сын Горденович,
Приезжает к королю да Вахрамееву.
Он-от вяжёт тут коня да ко тому столбу,
Ко тому-ту тут столбу да ко точёному,
А ко тому-то тут кольцу да к золочёному.
А тут выходит как король да на краснó крыльцо,
А выходит тут с Иваном поздоровалсе:
«Уж ты зравствуй-ко, здорово, Иван да сын Горденович,
Ты по-старому»* приехал ко мне, по-прежнему —
У ворот-то ты стоять да приворотником,
А при дверях-то ты стоять да тут придверником?»
А Иван-то тут королю да как ответ держит:
«Не по-старому приехал, не по-прежнему —
Я о добром тут о деле, я о сватовстве!
Я приехал ведь тут к вам за Федосьей лебедь белою!» —
«А Федосья-та у меня ведь нонь посватана,
А просватана она за поганого Издолища,
А сидит она во горнице последний час,
А за тягами сидит да за железными,
За замками тут сидит она за крепкими,
У ворот-то тут стоят да приворотники,
У дверей-то тут стоят как все придверники.
А как можь ты ей взять, дак ты как хошь ты с ей!»
А пошел да тут Иван да сын Горденович,
А пошел да тут к Федосье к ей во горницу.
А у ворот-то тут стоят да приворотнички,
У дверей-то тут стоят ведь все придверники,
И он какого тут похватит — и руки тут нет,
А какого тут пнет — да и совсем убьет.
И он срывал тут замки да эти крепкие,

А приломал он тут все тяги железные,
А зашел да тут к Федосье во горницу.
А Федосья та сидит вся тут уплакана:
«Ты куда же ты ведь взошел, Иван Горденович,
Ты куда же ныне путь держишь?» —
«Я приехал за тобой, Федосья лебедь белая,
Я приехал тебя взять как нынь в замужество». —
«А как хошь ты тут, Иван да сын Горденович,
Я у папеньки-то нынече просватана,
Я просватана за поганое вот Издолище.
А как хошь ты со мной — да куда хошь девай!»
Захватил ей тут Иван за праву́ руку́,
За праву́ да тут руку́ да за злачан перстень,
И повел-то тут Иван-то ей из gridни вон.
Выходил-то тут король да на красно крыльцо:
«А Иван-то сын Горденович, хоть бы чаю ты попил!» —
«На приезде ты ведь гостя не употчивал —
А на поезде гостя плохо нынче потчивать».
Садил он тут Федосью на добра коня,
А садил ведь тут и сам ведь нонь заскакивал.
А не видел тут король у их поездочки,
Только видел: тут в чистом поле курёва стоит,
Курёва-то тут стоит, как дым столбом валит,
Еще ископыти конь делат — люты печени.
А как ехал тут Иван да сын Горденович,
А ехал-то, ему что-то приспотелосе,
А отдохнуть тут Ивану да захотелосе —
Он раздернул тут шатер да белобархатной,
Надавал тут он коню пшена да белоярова,
А и лег он тут ведь спать крепко-накрепко.
А Федосья тут ведь ходит, стережет его.
А чует тут Федосья — силы идет много множество,
А и стала тут будить Ивана Горденовича:
«Ты ставай-ко-се, ставай, да Иван Горденович,
А идет ведь тут всугон ведь силы много множество!»
А и будит тут как будит — он не может встать.
Как заплакала Федосья да горючим слезми:
«А ведь я-то бы, я — пропадай пускай,
А его-то ведь голова пропадет ведь не за денежку!»

Еще капнула слеза да на право лицо,
А ожгла ведь тут Ивана сына Горденовича:
Пробудилсе тут Иван да сын Горденович
И собиралсе он ведь скоро, скоро-наскоро.
А поехал тут Иван да сын Горденович,
А поехал тут он ведь как навстречу им.
А наехало тут силы много множество.
Где конем-то тут подернет — да цела улица,
А как мечом-кладанцом — да цела просека,
А как палкой тут буёвой — да перевалами.
Он прибил, притоптал да всю тут силушку,
А котора тут вернулась — для вести к поганому-то Издолищу.
«И хоть сколько присылайте — все равно прибью!»
И поехал тут Иван да сын Горденович,
И поехал тут, поехал, и домой увез.

(Зап. Н. П. Колпаковой, В. В. Коргузаловым 24 июля 1958 г.: д. Малые Нисогоры Лешуконского р-на — от Поздякова Семена Федоровича, 70 лет. Записано с пения.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.